

Пролог

**Пять лет назад.
Клиника Les Alpes. Швейцария**

Я умирала.

Каждую мышцу, каждый сустав мучительно скручивало, заставляя меня до онемения пальцев сжимать края ночной рубашки, насквозь пропитанной холодным потом. Нескончаемая боль держала меня в тисках, словно мне кололи ее внутривенно, и она расплзалась ядовитой змеей, отравляя каждую клетку моего измученного тела. Она питалась моими страданиями, и мне хотелось вспороть себе грудь, чтобы вытащить наружу и обезглавить мерзкую тварь, безжалостно сводящую меня с ума.

Я потерялась в днях. Сколько я здесь? Неделю? Месяц?

Еще минуту назад я истерически рыдала. А теперь терпеливо лежала на кровати, слизывая языком засохшие дорожки слез, и даже не пыталась уклониться от солнечного луча, пробивающегося сквозь прозрачный тюль и болезненно вонзающегося в мой воспаленный зрачок. Во рту пересохло, а в глотку будто насыпали битого стекла.

Пить. Мне безумно хотелось пить.

С трудом поднявшись, я на подрагивающих ногах подошла к тумбе, на которой так маняще стоял графин с прохладной водой. Не удосужившись взять стакан, я поднесла стеклянную емкость к губам и сделала несколько жадных глотков. Чувство облегчения не пришло, и я, прикрыв глаза, вылила остатки воды себе на голову. Освежающие струи поползли по лицу и, скрывшись за воротом рубашки, извилисто потекли по спине и груди, опадая мелкими каплями на холодный пол. Мне стало жарко, и, приложив руку ко лбу, я ощутила на обжигающе горячей коже ледяное прикосновение влажной ладони.

Я судорожно дышала, и очередной вдох застрял в горле вязким камнем. Они снова были здесь. Темные, двигающиеся в жутком танце тени появлялись лишь в моменты полного отчаяния и преследовали меня до

Лиля Аструм

самого конца. Они насыщали мой распаленный мозг суицидальными мыслями, и я всячески пыталась не дать им себя уничтожить.

— Вы не существуете, — еле слышно шептала я, нервно расхаживая из стороны в сторону. — Не существуете. Это все нереально.

Пытаясь унять тревогу, я не могла найти себе места и дрожащими руками непрерывно блуждала вдоль собственного тела. Я остервенело растягивала ворот рубашки, тербила пуговицы и грызла ногти, иногда до боли прикусывая огрубевшую кожу пальцев.

В фокус моего зрения попало висящее над комодом овальное зеркало в деревянной раме. Я подошла к нему и, склонив голову набок, принялась тщательно рассматривать собственное отражение. Глубокие глазницы на худом лице напоминали бездонные выжженные кратеры. А злая усмешка, появившаяся на потрескавшихся губах, исказила до неузнаваемости черты в прошлом красивого лица.

Этой девушкой с тусклым взглядом, спутанными волосами и жутко вытирающими ключицами не могла быть я. Кончиками пальцев я неверяще дотронулась до бледной впалой щеки и провела вдоль режущей скулы, отмечая болезненно-серый цвет лица. Острые края поломанных ногтей неприятно оцарапали кожу.

Они бросили меня. Оставили здесь совсем одну.

Голодная мерзкая тварь свернулась плотным кольцом в грудной клетке и, широко разинув пасть, требовала ужин. Мутный коктейль, напоминающий грязную лужу из боли, одиночества и гнева, затупился и, отдавая клокочущими звуками где-то в глотке, вырвался наружу.

Я закричала.

Мой раздирающий душу вопль разрезал пространство комнаты и отскочил от стен, а кулак врезался в зеркало. Острая боль пронзила мою правую руку, а холодное стекло растрескалось и, исказив уродливую картинку, осыпалось кривыми треугольниками. Зловещие тени, забившись в угол, не смели продолжать свою леденящую душу пляску.

Дверь резко распахнулась, и вошли двое мужчин в синих медицинских костюмах. Беглым взглядом оценив обстановку, один из них сделал осторожный шаг ко мне.

— Мисс, прошу, отдайте мне стекло. — Он медленно протянул руку вперед.

Десять писем

Я не совсем поняла, о чем речь. Проследив за его взглядом, я удивленно уставилась на окровавленный осколок в моей руке. Вдоль запястья тянулся кривой порез, из которого тонкой струйкой стекала кровь, образуя причудливый узор на светлом мраморе.

— Мисс, — настойчиво повторил мужчина, снова привлекая мое внимание. — Мы вам поможем.

— Я умираю, — всхлинула я, утирая новые дорожки едких слез, и сильнее сжала острые неровные края.

— Это не так, — мягко произнес он, делая еле заметный шаг в мою сторону. — Это ломка, от нее никто не умирает. По крайней мере, не здесь. — Он тепло улыбнулся. — Прошу вас, отдайте мне осколок, мы вам поможем. Обещаю.

Бархатный тембр гипнотизировал меня, я недоверчиво смотрела в добрые глаза, судорожно покусывая нижнюю губу. Мне хотелось ему верить. Но, кажется, его звали Джон, и еще вчера он крепко держал меня своими огромными руками, пока мне насильно протыкали вены.

— Мисс, — позвал меня второй, и я по инерции повернула голову. В следующее же мгновение Джон резким движением выбил осколок из моей руки и, схватив за плечи, повалил на кровать, крепко удерживая за запястья. Я начала яростно отбиваться и истошно орать, но против навалившегося сверху тяжелого мужского тела у меня не было ни единого шанса.

— Скорее, — торопил он напарника, параллельно уворачиваясь от моего колена и придавливая его своим бедром.

Второй мужчина, имени которого я не знала или не помнила, набрал лекарство в шприц и, отбросив пустую ампулу в сторону, приблизился ко мне, велел Джону зафиксировать руку. Тонкая игла легко вошла в плоть, наградив меня мимолетной болью, вмиг поплывшее сознание безуспешно пыталось ухватиться за быстро отдаляющуюся реальность. Стремительно приближающаяся чернота наградила мое тело парализующим спокойствием, и на грани падения в темноту я думала лишь о том, что не хочу... не хочу больше жить.

Глава 1

Настоящее время. Нью-Йорк

Если мои обонятельные рецепторы не дали сбой, то именно запах натуральной кожи с примесью табака, кофе и, возможно, цитруса заполнял салон черного тонированного внедорожника, в который я села пятнадцать минут назад. Я вдохнула еще раз. Наверное, так пахнет роскошь. Хотя, если бы меня спросили, чем пахнет роскошь, я бы вмиг представила запах свежей древесины с добавлением алкогольных нот выдержанного шотландского виски и кусочками горького шоколада, а запах свежих орхидей добавили бы нотку изысканности этой композиции. К счастью, я не претендовала на звание лучшего парфюмера года, а виски все же хотелось бы заменить на коньяк. Не стоит добавлять его любимый напиток в мой роскошный букет.

Вытянув ноги вперед, я поудобнее устроилась в прохладном кожаном кресле. Восьмичасовой перелет из Лондона утомил меня. Я испытывала легкую тошноту, и мне проще было списать это на бортовую кухню, чем признаться самой себе, что я волнуюсь из-за предстоящей встречи.

Пять лет — долгий срок. Настолько долгий, что стоило уже давно отпустить и забыть. Но я не могу. Пока не могу.

Лучи июльского солнца Нью-Йорка не проникали сквозь тонированное стекло автомобиля, и я сняла очки, чтобы без дополнительных помех рассмотреть красоту Ист-Ривер. Интересно, насколько правдива американская легенда о затонувшем британском фрегате. Если история достоверна, то на дне этого пролива сейчас лежат несметные богатства стоимостью около полумиллиарда долларов США. Неудивительно, что ничего не нашли. Или нашли, но тщательно скрывали данный факт.

По этой дороге я ездила миллионы раз, но сейчас узнавание не радовало меня, а только вдрызг разбивало мои надежды на то, что

Десять писем

старый дом продан. Я бы хотела жить в городе, но кто я такая, чтобы мои желания его хоть немного волновали?

Наш единственный за пять лет диалог занял всего одну минуту четырнадцать секунд. Столько времени понадобилось ему, чтобы кардинально перевернуть мою жизнь. В ультимативной форме он заявил, что я должна вернуться в самое ближайшее время. Когда финансовые угрозы не подействовали, он сказал, что ему плевать, каким образом я выполню его приказ, но если вариант с мешком на голове привлекает меня гораздо больше, то он исполнит мое желание. Хотя я была не против возвращения. Мне просто хотелось показать, что я не его дрессированная собака, готовая выполнить любой приказ хозяина по щелчку пальцев. Но его последний аргумент был весьма убедительным.

Машина остановилась на светофоре, и я перевела взгляд на водителя. Рик. Если бы я не знала его лично, то подумала бы, что этот крепкий мужчина средних лет — скорее всего, телохранитель с военным прошлым. Я не знала, какую именно должность он сейчас занимает. Но когда-то в прошлой жизни он возил меня по всем важным делам, которые могут быть у одиннадцатилетнего подростка: школа, курсы французского языка и танцы. Позже, когда я пошла в старшую школу, и в его услугах перестали нуждаться, отчим не захотел его отпускать и дал ему другую должность. Поэтому я была приятно удивлена, что меня встретил именно он. Но даже с ним, с человеком, с которым у меня никогда не было никаких проблем, мне не хотелось разговаривать. Я могла бы спросить, как его жена и дочь, но я молчала.

С годами я стала проявлять меньше инициативы в общении. К моей собственной радости, эта черта не сделала из меня отшельницу. В Лондоне у меня остались хорошие знакомые. Я уже по ним скучала. Особенно по Лекси. Возможно, у нее получится выкроить пару дней из своего плотного графика и прилететь ко мне в Нью-Йорк. Но какой бы замечательной ни была Лекси, по-настоящему близкий человек у меня был всего один.

Я снова перевела взгляд в окно. Гринвич, один из самых богатых пригородов Нью-Йорка. Сложно сказать, сколько здесь замков

и дворцов. Богатеи не привыкли сорить деньгами, но огромный дом — вопрос престижа.

Металлические ворота бесшумно открылись, пропуская нас на территорию прибрежного поместья. Будь сейчас на дворе средневековье, размеры владения могли бы поразить даже английских герцогов и герцогинь. Оно досталось моему отчиму по наследству от деда и не единожды реставрировалось.

Когда машина остановилась перед парадными дверями, я, ни секунды не размышляя, выбралась на свежий воздух. Рассматривая такой до боли родной и одновременно чужой особняк, поражающий своим размахом и напоминающий самый настоящий Шенбрунн, я подумала, что престиж — это еще и стиль, которым явно пренебрегли в данном конкретном случае.

Итальянский шик 17 века. Звучит претенциозно, но на самом деле итальянская знать лишь хотела укрепить свое влияние за счет поддержания богатства и роскоши, считая стиль барокко символом силы. Великолепие напоказ, вычурность и максимальная помпезность, чтобы окружающие, не дай бог, не подумали, что хозяин стал на цент беднее, — все полностью соответствовало предпочтениям моего отчима.

Я ненавидела этот дом.

Единственное, что восхищало меня на этой огромной территории с бассейном и теннисным кортом — это стометровая береговая линия, где я любила в абсолютной тишине почитать книгу и полюбоваться видом на пролив Лонг-Айленд.

Вслед за Риком, катившим два моих неподъемных чемодана, я прошла через большой холл, выполненный в светло-бежевых тонах с золотистыми вкраплениями. Поднялась по широкой лестнице, украшенной черными витиеватыми узорами, настолько широкой, что складывалось ощущение, будто я — Золушка из сказки, а в конце пути меня ждет принц с тифелькой. Кстати, о принцах.

— Где Алекс?

Рик, опустив чемодан, посмотрел на часы.

— Думаю, через пару часов будет.

Десять писем

Еще два часа, чтобы собраться с мыслями. Я готовилась, будто на плаху.

— Отнесите, пожалуйста, мои вещи в комнату, — попросила я, и, развернувшись, направилась в противоположную сторону.

Я хотела увидеть ее.

Пройдя по коридору третьего этажа к самой дальней двери, я взялась за ручку, надеясь, что она не заперта, и морально готовясь окунуться в океан душевной боли. Но к этому невозможно подготовиться.

На первый взгляд все стояло на своих местах, будто она была здесь всего пару часов назад. Но если приглядеться, можно было заметить, что на полках нет наших с ней фотографий, мольберт отодвинут в самый дальний угол, а холст пожелтел от долгого отсутствия на нем ярких красок. Я не заходила сюда девять лет. Девять долгих лет. Но сквозь боль и тоску я чувствовала ее присутствие каждой клеточкой своего тела. Разве это возможно?

Она обожала живопись и могла часами, закрывшись в своей студии, рисовать с одной чашкой травяного чая, который постоянно остывал, а я заботливо приносила ей свежесваренный. Ее картин можно насчитать штук двадцать. Я не особо разбираюсь в живописи, но каждая из них казалась мне по-своему уникальной. Но я пришла сюда не ради искусства.

На одной из стен, завешенной плотной тканью, висело то, ради чего я здесь. Я медленно стянула эту ненужную тряпку, закрывающую самое дорогое моему сердцу творение. Ее портрет. В груди стало до боли тесно, к горлу подступил ком, который я была не в силах проглотить, а глаза наполнились слезами, пока я смотрела в лицо той, за жизнь которой я отдала бы все богатства мира.

Мария Изабель Браун.

Дрожащими пальцами я нежно коснулась холста и медленно провела по ее длинным, выющимся локонам. Художник был, безусловно, талантлив. Он нарисовал ее настолько правдоподобно, что я видела живые искорки в веселых зеленых глазах, а золотистые блики в ее медного оттенка волосах переливались из-за про-

никающего в окно закатного солнца. Наверное, у меня начались галлюцинации. Иначе как объяснить, что умершая много лет назад женщина сейчас смотрела на меня так, будто в любую секунду могла сойти с этой чертовой картины и крепко обнять меня, моментально исцеляя мой сломанный мир. Я смахнула рукой соленые капли, чтобы лучше рассмотреть каждую морщинку в уголках искрящихся весельем глаз, и ласково провела по маленькой родинке над верхней губой.

Я бы многое хотела ей сказать. Попросить прощения за то, что столько лет не была на ее могиле. За то, что не оправдала ожиданий. В глубине души мне бы хотелось объяснить причины, но, возможно, жизнь за гранью все же существовала, и мои тайны были давно раскрыты. Меня это пугало. Я бы не хотела, чтобы она видела, что со мной произошло.

Почувствовав, что сдерживаться уже нет сил и что обычные слезы вот-вот перерастут в самую настоящую истерику, я резко убрала руку от любимого лица. Отвернувшись, сделала несколько глубоких успокаивающих вдохов, чтобы взглянуть на нее еще раз с улыбкой на губах, прежде чем я покину эту комнату и вряд ли вернусь сюда в ближайшее время. Я не плакала несколько лет. Слезы, по моему мнению — слабость. А сейчас не время для слабостей.

— Вы очень на нее похожи. — Неожиданно раздавшийся женский голос заставил меня резко обернуться в сторону двери.

В паре метров от меня стояла женщина средних лет. Одето строго: белая рубашка и черная юбка до колена. Темные волосы убраны в аккуратный пучок. Ее внешний вид наводил на мысль, что она работает в этом доме. На ее губах играла доброжелательная улыбка, вполне искренняя, а в глазах было... понимание. Мне стала некомфортно, что меня застали в такой уязвимый момент.

— Да, наверное, — ответила я, поспешив накинуть ткань обратно на законное место.

— Меня зовут Глория, — представилась она. — Я управляющая. Если вы закончили, я могу проводить вас в вашу комнату, мисс Браун.

Десять писем

Столько официоза вполне в духе хозяина.

— Зовите меня Вивиан, — тепло улыбнувшись, сказала я.

Мы прошли по коридору, оформленному в темных тонах, на стенах которого висели незнакомые мне экстравагантные картины в шикарном обрамлении. Возможно, кто-то посчитает меня необразованной, но для меня искусство — не повод для раздумий, а, прежде всего, выражение эмоций.

— Ваши вещи уже разобраны. Мистер Миллер распорядился накрыть сегодня ужин в двадцать один ноль-ноль и просил вам передать, чтобы вы не опаздывали. Пока вы можете отдохнуть. Время еще есть, — проинформировала Глория, открывая передо мной дверь и пропуская меня в комнату, в которой я прожила большую часть своей жизни.

Мои брови удивленно поползли вверх. Здесь явно кто-то постарался. Теплые кремовые оттенки, минимум мебели и огромная кровать в самом центре комнаты, на которую хотелось прыгнуть с разбега, будто мне пять лет. Никакого золота, фресок и черных роз. Я была безумно рада этому неожиданному обновлению, поскольку от театральщины в этом доме воспалились глазные яблоки.

Так как мои вещи еще не были до конца разобраны, я попросила Глорию подготовить мне платье для ужина, а затем направилась в ванную комнату и, наполнив джакузи, погрузилась в обжигающе горячую воду с пеной и ароматом ванили. Меня до сих пор потряхивало от пережитых в той комнате чувств. Почему отчим ее не закрыл? Он тоже до сих пор скорбит?

Задержав дыхание, я опустилась на самое дно из белого камня, расслабляя мышцы тела и стараясь абстрагироваться от мыслей о предстоящем семейном ужине. Получалось плохо. Сложно признаться самой себе в собственном страхе. И страх ли это? Я так много работала над собой, так чего же боюсь? У меня не было ответа. И это был первый обман.

Вынырнув на поверхность и жадно глотнув воздуха, я решила переключиться на более позитивную волну, чтобы даже самой малейшей эмоцией не показать, что творится внутри. Они не поймут.

Обернувшись в белое пушистое полотенце, я наклеила патчи, хотя ни разу не видела от них должного эффекта и, напевая абсолютно не соответствующую моему настроению *Easy On Me*, вышла из ванны.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты отвратительно поешь?

Алекс стоял возле окна, лениво прислонившись к комоду, и пристально смотрел мне прямо в глаза. Я растерялась. Не ожидала, что он придет так быстро, а я даже... Даже что? Не успею натянуть нижнее белье? Почему-то эта мысль заставила мое тело покрыться мурашками.

Я наивно надеялась, что за пять лет моего отсутствия мой сводный брат превратится в жирного, лысеющего, беззубого мужика. Мое воображение услужливо подкидывало соответствующие образы. Так было бы проще, но выходит, я облажалась. Отмахиваясь от своих идиотских мыслей, я рассматривала его будто в первый раз.

Я видела много красивых мужчин, но Алекс переплюнул их всех. Он никогда от меня не услышит, что его лицо я считаю совершенным. И дело не в правильных чертах. Совсем нет. Дело во взгляде. В пронзительных голубых глазах, притягивающих своим бесконечным холодом. Никто и никогда не смотрел на меня так, как мой сводный брат. Никто и никогда.

Это чувство сродни падению в арктическую глубину, когда каждый миллиметр твоей кожи захвачен властной стихией, и ты вынужден ей подчиниться, чтобы всплыть хоть на мгновение и вдохнуть такой желанный кислород. Я бы предпочла навсегда остаться там. И сейчас, стоя напротив него, я пыталась поймать ускользающую эмоцию, которую пока боязливо определяла как... влечение? Я с ужасом осознала, что ничего не произошло. Словно и не было этих лет.

Заметив иронично приподнятые брови Алекса, свидетельствовавшие о том, что пауза затянулась, я почувствовала себя круглой дурой. Надо взять себя в руки.

— Знаешь, обычно люди мне не врут. — С энтузиазмом включаясь в заранее отведенную мне роль, ослепительно улыбнулась я.